Наследный принц же страдал от приступов неконтролируемой ярости.

Он часто видел, как на теле Седьмого принца не было живого места от побоев.

Тот был благородным принцем, но жил хуже, чем он, обычный евнух.

Когда он тайком приносил Седьмому принцу лекарства, тот спрашивал: Разве я не противен тебе?

Хотя принц при этом слабо улыбался, выглядело это так, будто он рыдает.

Гао Хуа не мог этого забыть. Его сердце сжималось от такой боли, словно кто-то вонзил в него нож, и из раны непрерывно сочилась кровь.

— Раб никогда не посчитает Ваше Высочество противным.

[Показатель раскаяния Линь Цзиньчжи — две звезды, хозяин, так держать! Скоро задача по обелению репутации будет выполнена!]

Чу Янь уже просчитал этот шаг и вздохнул: [Эх… может, заодно склонить на свою сторону и Хань Чжэна?]

[!!!]

[Как думаешь, если я буду доверять только Хань Чжэну и приближу к себе только его, что сделает Линь Цзиньчжи?]

Система долго размышляла, а затем ответила: [Наверное, умрет от злости QWQ. Нет ничего мучительнее, чем желать чего-то и не получать. Люди не ценят то, что имеют, и лишь потеряв, начинают горько сожалеть.]

[Я решил немного поиздеваться над ним. Сначала издевательство, а потом вежливость!]

Система: А-а-а, что он снова сказал такого, что привело хозяина в такой восторг?

Все, кто был причастен к тем событиям, давным-давно были убиты прежним владельцем тела.

Чу Янь лишь вложил часть подлинных воспоминаний в голову Гао Хуа, чтобы тот озвучил их вместо него.

Он рассчитал всё слишком точно: он верил, что Хань Чжэн оставит Гао Хуа в живых, чтобы мучить его, а значит, не нанесет удара в жизненно важные органы.

И правда, хотя Гао Хуа потерял много крови, Хань Чжэн всё же позволил лекарю Е оставаться неподалеку. Иначе разве мог бы женьшень для Гао Хуа оказаться под рукой так быстро?

Подозрительный и жестокий нрав прежнего владельца тела был следствием того, что в юности он перенес слишком много боли.

Наследный принц подобрал его, а затем сам же столкнул в ад.

И поэтому даже самый милый ребенок в конце концов очерствел душой.

Если бы не Линь Цзиньчжи, он бы погрузился во тьму еще глубже.

Но именно этот человек, даривший ему тепло… оказался лжецом.

Его мир начал рушиться, не оставив ни капли надежды, и превратился в то, что мы видим сейчас.

Выслушав слова Гао Хуа, Линь Цзиньчжи застыл на месте, потрясенный до глубины души.

А Хань Чжэн, стоявший позади, тоже услышал обрывки фраз и невольно расширил глаза.

Ветер, ворвавшийся в окно, принес лепестки белой груши. Гао Хуа, весь в крови, продолжал молить Линь Цзиньчжи простить Чу Яня.

Линь Цзиньчжи бессильно опустил руки и поспешно позвал лекаря, чтобы спасти Гао Хуа.

Гао Хуа впал в беспамятство, его окружили люди, и Линь Цзиньчжи вдруг подумал… не совершил ли он сам того же, что когда-то сделал Наследный принц?

Тот Наследный принц в прошлом — это нынешний Ван Лин.

Ваше Величество в итоге не смог убить его, а лишь тайно заточил в одном месте.

Узнав об этом, Линь Цзиньчжи однажды навещал Ван Лина.

Кто бы мог подумать… что за всем этим скрывается столько событий.

Линь Цзиньчжи вышел из внутренней комнаты и увидел, что даже во сне брови Чу Яня были плотно сдвинуты. Похоже, Гао Хуа был ему ближе, чем сам Ван Лин.

Линь Цзиньчжи остался в опочивальне и просидел так всю ночь, охраняя его покой.

Глядя на бледное лицо Чу Яня, Линь Цзиньчжи не удержался и коснулся его черт.

Этот человек был так прекрасен. Ребенок, которому он когда-то протянул платок, вырос и стал таким, как сейчас.

На полу был расстелен красный шелк, и кожа Чу Яня, белая, как снег, смотрелась на нем с пугающей, порочной красотой.

Кожа Чу Яня была такой нежной, а одежда — такой тонкой, словно вот-вот соскользнет. Но он выглядел слишком хрупким… прошло совсем немного времени, а он так исхудал.

Ночь была холодной. Чу Янь спал так долго, что Линь Цзиньчжи уже начал думать, что он не проснется. На следующий день взошло солнце, и сквозь окно пробился лучик света, но даже так в комнате оставалось невыносимо холодно.

Чу Янь наконец открыл глаза и, увидев сидящего рядом Линь Цзиньчжи, погрузился в безжизненный, мертвый взгляд.

— Ваше Высочество Ван Лин, разве вы… — Линь Цзиньчжи нахмурился, внезапно осознав, что не может продолжать вопрос.

Чу Янь расширил глаза, наконец выказывая страх.

Казалось, стоило лишь упомянуть это имя, как у него начинали дрожать челюсти, словно у испуганной птицы.

Его губы задрожали, и Линь Цзиньчжи попытался расслышать, что он шепчет.

Тихий, до предела слабый голос, полный ужаса, отозвался в сердце острой болью.

Чу Янь твердил: Не бей меня.

Линь Цзиньчжи внезапно пронзила нестерпимая боль — ради этого человека.

Еще когда он узнал, что Маркиз Линь жив, а Чу Янь заточил его в темницу лишь потому, что тот заслужил наказание, узел в душе Линь Цзиньчжи наполовину развязался.

— Ваше Величество…

Чу Янь наконец пришел в себя и холодно поднял голову:

— Ты же столько раз встречался с Ван Лином, зачем спрашиваешь меня? Иди и спроси своего Ван Лина.

Линь Цзиньчжи расширил глаза. Чу Янь знает, что он виделся с Ван Лином…?

Его дыхание сбилось.

Линь Цзиньчжи вспомнил: Чу Янь насильно вызвал его во дворец сразу после того, как он навестил Ван Лина.

Он думал, что Линь Цзиньчжи предал его.

Линь Цзиньчжи вдруг понял всё. Вот оно что… вот оно что…

Что же он натворил?

Линь Цзиньчжи вдруг почувствовал к себе безмерное отвращение. Он был умен всю жизнь, но совершил такую глупость. Как он мог не понять, почему отношение Ваше Величества к нему вдруг изменилось?

Ведь раньше… он смотрел на него как на самого близкого друга, с глазами, полными преданности.

— В прошлый раз лекарь Е сказал… что ты дотошно расспрашивал его о близости между мужчинами. Почему ты боялся, что мне будет больно?

Линь Цзиньчжи смотрел на него, отчаянно ища ответ.

Чу Янь, хрупкий и тонкий, сидел на постели в опочивальне, его руки и ноги были скованы цепями. Услышав вопрос, он вдруг улыбнулся так, что Линь Цзиньчжи не смог этого понять.

— Потому что я люблю тебя.

Эти слова прозвучали как удар молота.

Тело Линь Цзиньчжи пошатнулось. Значит, он действительно любит его?

Всего лишь по такой простой причине.

Чу Янь усмехнулся:

— Но от того, что я люблю тебя, мне противно. С этого дня я больше не люблю тебя.

Он… любит его?

В душе Линь Цзиньчжи поднялась паника — ведь Чу Янь сказал, что эта любовь вызывает у него отвращение.

Линь Цзиньчжи, потерянный и опустошенный, покинул дворец. Ему нужно было… подтвердить кое-что у Ван Лина.

Проскакав верхом все утро, он наконец прибыл в поместье Ван Лина на окраине города.

По приказу Чу Яня оно было окружено тяжелой охраной. Люди снаружи еще не знали, что произошло во дворце. Поместье охраняли так тщательно, что даже муха не могла пролететь мимо.

Командующего стражей звали Чэн Хань, он был верным человеком Чу Яня.

Увидев скачущего к нему Линь Цзиньчжи, Чэн Хань заколебался, стоит ли его пропускать. Но, вспомнив, какое место Линь Цзиньчжи занимает в сердце Ваше Величества, он вздохнул и направился навстречу.

Линь Цзиньчжи, намеревавшийся встретиться с Ван Лином открыто, уже приготовился применить силу.

Но военачальник противника вдруг радостно поспешил к нему и сложил руки в приветствии:

— Господин Линь!

Линь Цзиньчжи, решив, что тот хочет преградить ему путь, стиснул зубы:

— Уйди с дороги!

Чэн Хань и не думал его останавливать, сразу указывая путь:

— Господин Линь, вы не так поняли. Ваше Величество приказывал: если господин Линь придет к Ван Лину, пропустить вас без препятствий.

Услышав это, Линь Цзиньчжи расширил глаза, и во рту у него стало горько.

Он мнил себя умным, но почему не подумал… почему в тот день он смог войти так легко?

Дурак, какой же он дурак!

Ответ на свой вопрос он получил здесь, от Чэн Ханя.

В сердце Линь Цзиньчжи теплилось последнее сомнение: он боялся, что всё это — лишь хитроумная ловушка Чу Яня.

Но слова Чэн Ханя разрушили и это сомнение.

Нет.

Кто станет так мучить самого себя, чтобы расставить такую ловушку?

Но раз уж он пришел, Линь Цзиньчжи решил войти и взглянуть на Ван Лина.

Холодный ветер обдал его, и Линь Цзиньчжи внезапно стало очень холодно.

Поздняя весна, погода обманчива: кажется тепло, а на деле — холод.

Линь Цзиньчжи поправил одежду и медленно пошел к воротам.

Погода была холодной, но не холоднее, чем его сердце.

Самоуничижение, вина и… боль.

Все эти чувства нахлынули на него разом. Он ненавидел себя за то, что натворил.

Но было уже поздно, он уже причинил Чу Яню боль.

Когда Линь Цзиньчжи вошел внутрь, он увидел, что бывший жестокий Наследный принц играет на цитре под грушевым деревом. Звуки музыки были изящными и очень приятными. Если бы здесь оказался посторонний, он бы наверняка решил, что Ван Лин — какой-нибудь утонченный аристократ.

Линь Цзиньчжи поклонился:

— Ваше Высочество Ван Лин.

Ван Лин смотрел на грушу, белые лепестки которой осыпались, кружась в воздухе, и это зрелище его завораживало.

Так же, как и тот человек.

Он улыбнулся, и эта улыбка была подобна цветению тысяч грушевых деревьев, опьяняя и лишая разума.

Услышав голос Линь Цзиньчжи, Ван Лин вырвался из своих мыслей и холодно отозвался:

— Господин Линь, почему вы здесь?

Глаза Линь Цзиньчжи блеснули:

— Цзиньчжи пришел сегодня, чтобы спросить: то, что вы говорили тогда, правда?

Ван Лин усмехнулся:

— О чем я говорил?

Дыхание Линь Цзиньчжи участилось, он словно отчаянно жаждал подтверждения:

— Ваше Высочество Ван Лин сказал мне, что Ваше Величество собирается нанести удар по роду Линь!

— А… тот ребенок, — Ван Лин издал странный смешок. — Разве он не нанес удар?

Увидев его таким, Линь Цзиньчжи понял, насколько он был глуп.

Он попался на удочку!

— Ты обманул меня?

Ван Лин вдруг встал, и его утонченная манера поведения мгновенно исчезла. Его лицо исказилось от зависти:

— Ну и что, если обманул? Он любит только тебя, улыбается только тебе, я схожу с ума от зависти!

— Но Ваше Величество — твой родной брат!

— Родной брат? — Ван Лин презрительно рассмеялся. Он всегда думал, что тот ребенок — его родной брат, и поэтому не решался пойти на крайние меры. Но, кроме этого, он делал всё, что мог, и лишь когда его лишили трона, он узнал… что тот не был его родным братом.

Он не был старшим братом Чу Яня и не имел отношения к императорской крови. Благородная наложница просто подменила ребенка, чтобы укрепить свое положение.

Но Ван Лин не был настолько глуп, чтобы рассказывать это Линь Цзиньчжи. Он просто сухо ответил:

— Ну и что, что брат? Я просто не могу вынести, что он так сильно тебя любит.

По идее, Линь Цзиньчжи должен был чувствовать себя подавленным из-за того, что Ван Лин его перехитрил.

Но, глядя на такого Ван Лина, в его сердце извращенно поднялось странное удовольствие.

Как бы Ван Лин ни плел интриги, человек, которого любит Чу Янь, — это он.

— Те раны на теле Ваше Величества… это твоих рук дело?

Лицо Ван Лина слегка одеревенело. В те годы, когда он был Наследным принцем, он пережил множество покушений, и его здоровье естественным образом начало угасать.

Однажды благородная наложница принесла ему некое снадобье и велела выпить.

Его долго пичкали дурманящими порошками, которые постепенно делали его вспыльчивым, а тело — всё более слабым.

Поэтому тот Наследный принц в конце концов стал лишь неудавшимся тираном, который не мог контролировать свой гнев даже по отношению к самому любимому человеку и причинял ему боль.

Ван Лин крепко сжал кулаки, спрятав их в широких рукавах:

— Ты пришел сюда не только ради этих вопросов, верно?

— Ван Лин воистину достоин своего звания, — Линь Цзиньчжи посмотрел на него. — Я хочу спросить о деле названого брата Хань Чжэна.

Линь Цзиньчжи не был слеп к чувствам Хань Чжэна — тот, вероятно, испытывал к нему глубокую симпатию.

Но Линь Цзиньчжи также знал, что Хань Чжэн поднял восстание наполовину ради него, а наполовину — ради того названого брата, которого погубил Чу Янь.

— Зачем тебе это знать?

Хотя раньше Линь Цзиньчжи был компаньоном Ван Лина и они были близки, сейчас он испытывал к нему лишь отвращение, поэтому отвечал ему с вызовом:

— Ван Лин так хитроумен, неужели вы не знаете, что происходит?

Взгляд Ван Лина потемнел, он смотрел на него с нескрываемой ненавистью.

Чем больше тот его ненавидел, тем больше Линь Цзиньчжи чувствовал непонятное удовольствие.

Просто потому, что он с такой легкостью получил то, о чем другие могли только мечтать.

— Хань Чжэн поднял восстание.

После этих слов в глазах Ван Лина мелькнуло потрясение:

— Чего ты хочешь добиться?

В глазах Линь Цзиньчжи отразилась боль:

— Я уже знаю, что совершил ошибку, но пролитую воду не собрать, и Хань Чжэн не пощадит Ваше Величество. Поэтому… я хочу знать правду.

Ван Лин холодно усмехнулся: значит, Линь Цзиньчжи всё-таки участвовал в восстании Хань Чжэна.

Иначе сердце того ребенка, уже ставшее твердым как камень, не позволило бы кому-то ударить его в спину.

— С какой стати я должен тебе отвечать?

— Ваше Высочество Ван Лин, вы так подставили меня, заставив Ваше Величество поверить в мое предательство. В конечном счете, вы эгоистичны, должно быть, вы просчитали такой исход заранее, но все равно разыграли эту карту.

Ван Лин странно рассмеялся:

— Тот утонченный господин из рода Маркиза Уань теперь говорит такие колючие слова.

Чем больше Ван Лин нападал на него, тем больше Линь Цзиньчжи убеждался, что Чу Янь любит его.

— Я больше не тот Линь Цзиньчжи, что был раньше, я даже совершил с Ваше Величеством такое…

— Ты… сделал это с ним? — Лицо Ван Лина стало пугающим, он потащил свое высокое худощавое тело прямо к Линь Цзиньчжи.

Хотя Ван Лин схватил его за воротник, выражение лица Линь Цзиньчжи ничуть не изменилось:

— Да, и что с того?

Ван Лин внезапно стиснул зубы, его глаза налились ревностью.

— Он… мой, — процедил он по слогам.

Видимо, шум внутри привлек внимание снаружи. Когда Чэн Хань вошел, он сразу вытащил меч и приставил его к горлу Ван Лина:

— Прошу Ваше Высочество Ван Лина отпустить господина.

Ван Лин ничуть не испугался, повернул голову и посмотрел на Чэн Ханя:

— Хоть я и в заточении, я член императорской семьи, ты смеешь угрожать мне мечом?

Чэн Хань ответил:

— Ваше Величество приказал обеспечить безопасность господина.

Слова Чэн Ханя заставили лица обоих мужчин измениться.

Ван Лин почувствовал горечь, а Линь Цзиньчжи — смешанные чувства.

В сердце внезапно разлилась легкая горечь. В такой ситуации Чэн Хань вряд ли стал бы лгать. Чу Янь действительно любит его до глубины души, но именно он сам собственными руками разрушил эту любовь.

Если бы только он тогда не поверил словам Ван Лина… как было бы хорошо.

Когда Ван Лин отпустил его, Линь Цзиньчжи в сопровождении Чэн Ханя вернулся во дворец.

На душе у Линь Цзиньчжи было тяжело, всю дорогу он держал голову опущенной.

В прошлый раз Хань Чжэн уже поднял руку на Гао Хуа, если его долго не будет, кто знает, что Хань Чжэн сделает с Ваше Величеством.

Линь Цзиньчжи вернулся во дворец, притворяясь, что испытывает отвращение к Чу Яню, чтобы усыпить бдительность Хань Чжэна.

Он увидел, что евнухи внутри, вероятно, по приказу Хань Чжэна, собирались воспользоваться Юйши, и Линь Цзиньчжи внезапно охватило невыносимое горе:

— Что вы делаете?

— Это… великий генерал приказал нам…

В глазах Линь Цзиньчжи промелькнул холод:

— Прочь!

Евнухи, перепуганные до смерти, поспешно отступили.

Линь Цзиньчжи вошел в опочивальню и, увидев Чу Яня, прикованного цепями, вдруг не понял, что именно он чувствует к нему.

Его чувства были невероятно сложными, но в одном Линь Цзиньчжи был уверен — он чувствовал бесконечную вину.

Чу Янь, казалось, почувствовал его приход, но оставался безжизненным.

В глубине души он считал Линь Цзиньчжи таким же убийцей Гао Хуа, как и Хань Чжэн.

Линь Цзиньчжи опустил глаза, скрывая вину и боль, подошел и осторожно снял цепи с его ног.

Конечности и шея Чу Яня были в оковах, один ключ был у него, а другой — у Хань Чжэна.

Эту опочивальню Чу Янь когда-то создал для него, он всегда угрожал, что заточит его здесь. В итоге он так и не решился на это, теперь, подумав, Линь Цзиньчжи понял, что Чу Янь, вероятно, просто пугал его.

Чу Янь смотрел, как Линь Цзиньчжи опустился на колени, чтобы снять эти цепи, и в его глазах наконец появилось некоторое недоумение.

Что задумал Линь Цзиньчжи?

Разве он не… ненавидит его?

Сердце Чу Яня упало в бездну, он приказал себе ни в коем случае не верить этому лжецу.

Он часто делал так: сначала дарил надежду, а потом собственными руками сталкивал его в пропасть, заставляя падать в бездонную пучину.

Линь Цзиньчжи хочет не спасти его, а унизить еще сильнее.

Когда ножные кандалы были сняты, Хань Чжэн вдруг вошел снаружи. Линь Цзиньчжи хотел было поговорить с Чу Янем, но приход Хань Чжэна заставил его тело напрячься.

— Цзиньчжи, зачем ты снял цепи?

Линь Цзиньчжи поднялся:

— Конечно, чтобы лучше отомстить ему.

В глазах Хань Чжэна появилось сомнение:

— Правда?

— Конечно, этот правитель-тиран сделал со мной такое, я, достойный мужчина, подвергся такому унижению, разумеется, я должен мучить его понемногу.

Говоря это, Линь Цзиньчжи боковым зрением увидел, что лицо Чу Яня стало бледнее некуда.

Его сердце внезапно пронзила боль, будто кто-то вонзил в него иглы.

Оказалось, что когда Чу Яню больно, он сам чувствует еще большую боль. Но чтобы усыпить бдительность Хань Чжэна, он был вынужден так говорить.

Выслушав слова Линь Цзиньчжи, Хань Чжэн кивнул:

— С князем Синем нелегко справиться, я пойду туда первым.

— Хорошо.

Когда в комнате остались только Линь Цзиньчжи и Чу Янь, Линь Цзиньчжи не знал, с чего начать объяснения.

— Ваше Величество, я…

— Значит, ты действительно так думал. Сначала притвориться добрым, а потом столкнуть меня в пропасть — ты всегда был таким человеком. Я уже привык.

Уже привык?

Разве к такому можно привыкнуть?

Сердце Линь Цзиньчжи внезапно сжалось от боли, а следующее действие Чу Яня заставило его еще больше оцепенеть.

Он толкнул его, навалился сверху, и эти красивые персиковые глаза впились в него.

Линь Цзиньчжи мысленно усмехнулся: он совершил столько ужасных вещей, и то, что Чу Янь теперь подавляет его, — это заслуженное наказание.

Линь Цзиньчжи смиренно закрыл глаза, когда руки Чу Яня мягко развязали его пояс. Линь Цзиньчжи почувствовал еще большее отчаяние.

Он твердил себе, что заслужил это.

Хотя это род Линь первым виноват перед Чу Янем, но все те вещи, которые Чу Янь делал, подавляя его, не вызывали у Линь Цзиньчжи сладости, а лишь оставляли глубокий шрам и отвращение.

Он изо всех сил сдерживал себя, чтобы не оттолкнуть Чу Яня.

Вскоре он обнаружил, что проник в некое теплое место.

Линь Цзиньчжи в шоке открыл глаза и увидел, что в уголках глаз Чу Яня появилась некая яркость, а в зрачках — влажная дымка и туман. Его одежда была такой тонкой, она соскользнула наполовину, обнажая большую часть кожи, отчего он выглядел словно демон, питающийся жизненной силой людей.

http://bllate.org/book/22166/2309057